

Внутриволостные системы названий деревень Кокшеньги и соседних земель

В статье рассмотрено деление сельских населенных пунктов Тарногского района на 29 групп или гнезд деревень и проанализировано происхождение их названий. Отмечено также существование официальных и народных названий деревень. Приведены основные версии возникновения подобных двойных ойконимов. В основной части статьи исследуются внутриволостные топонимические системы, состоящие из частотных (часто повторяющихся) названий деревень. К числу этих ойконимов автором отнесены Погост, Горка, Подгорная, Большой Двор, Боярская, Княжая, Подволочная, Угольная, Конец и ряд других. Установлено, что в большинстве старожильческих волостей Кокшеньгской чети еще в XVII веке сложились устойчивые традиции именованья отдельных, наиболее важных, с точки зрения местного населения, деревень. Внутриволостные системы ойконимов Кокшеньги сравниваются с аналогичными топонимическими системами на соседних землях – в Тотемском уезде и Устьянских волостях, при этом выявляются черты сходства и различия.

В старину освоенные человеком земли по берегам рек Кокшеньга, Уфтюга, Тарнога относились к Кокшеньгской чети Важского уезда, а с 1798 по 1929 год данная территория входила в состав Тотемского уезда. Тарногский район возник в 1935 году на месте более раннего, но недолго просуществовавшего Кокшеньгского района Северного края. В народе обозначенную территорию издавна именовали по главной реке просто *Кокшёнъга*, а ее жителей – *кокшарáми*. Лишь во второй половине XX века старинное наименование постепенно уступает место названиям *Тарногский район* или *Тарнога*. Соседними землями для Кокшеньги исторически являются Устьянские волости (к северу, по берегам реки Устья, притока Ваги) и Тотемский уезд (к югу, в бассейне Средней Сухоны). Ныне это соответственно Устьянский район Архангельской области и Тотемский район Вологодской области. Судьбы этих территорий всегда были тесно переплетены друг с другом, в том числе и в такой области познания, как топонимика – наука о происхождении географических названий.

Известно, что кокшеньгские деревни расположены отдельными, обособленными друг от друга группами, кустами или *гнездами* (рис. 1). Всего в пределах границ современного Тарногского района выделяется 29 гнезд деревень, у каждого из которых имеется свое оригинальное название. Происхождение данных топонимов вместе еще не рассматривалось, хотя некоторые названия гнезд деревень ранее уже пытались этимологизировать в научной и краеведческой литературе (Комарова, 1977. С. 31–42; Угрюмов, 1981. С. 95–106; Кузнецов, 1991. С. 100–101). Ниже рассмотрим эти топонимы полностью.

Ваймеж – гнездо деревень на левом берегу реки Уфтюги в нижнем ее течении. Основу этого финно-угорского топонима пытались связать с вепс-

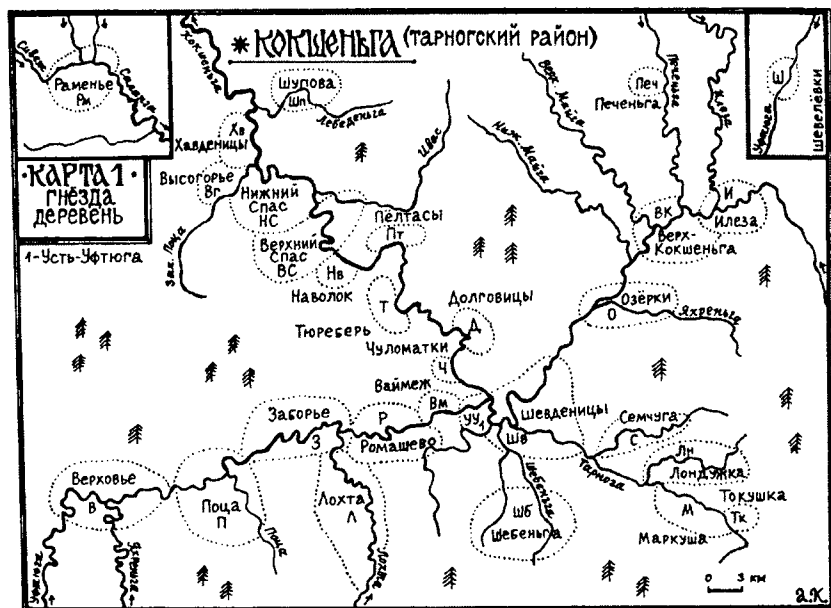

Рис. 1. Карта-схема «гнезд» деревень и их название

ским *voim*, финским *voima* в значении «власть», в том смысле, что Ваймеж мог быть родовым (властным) центром над остальными чудскими селениями в округе (Угрюмов, 1981. С. 101). Однако более продуктивным будет сопоставление с финским *voima* – «сила, мощь, здоровье» и эстонским *vaim* – «дух, возвышенное состояние», родственный которым чудской народный географический термин мог означать «высокое, возвышенное место», тем более что все деревни Ваймежа в самом деле расположены на крутом склоне долины Уфтыюги. Недавно появились новые толкования основы *vaim-*, которая на Русском Севере встречается в составе таких гидронимов (названий рек), как Ваймога, Вайманьга. Есть финское, карельское *vaimo* – «жена, женщина», эстонское *vaim* – «дух, привидение», а также прасаамское *vājmtō, саамское *vāimtt* – «сердце, мозг; нрав». Возможно двойное толкование подобных топонимов: или как «нечто внутреннее (в пределах какой-то территории)», или как «женское, бабье» (Матвеев, 2007. С. 60–61; Кузнецов, 2010б. С. 40–41).

Верх-Кокшеньга – деревни этого гнезда находятся близ истока (в верху) реки Кокшеньги, которая начинается от слияния рек Илезы и Кортюги.

Верхний Спас – гнездо деревень на левом берегу реки Кокшеньги, в центре которого расположено село Спасский Погост со Спасо-Преображенским храмом. Определение *верхний* дано по сравнению с топонимом Нижний Спас (см. ниже). В данном случае, очевидно, что деревни Нижнего Спаса возникли позднее, чем деревни Верхнего Спаса.

Верховье – расположено в *верхнем* течении реки Уфтыюги. Это самое крайнее западное гнездо деревень Тарногского района.

Высогорье или **На Высокой** – находится на *высоком* коренном берегу (на *горе*) долины реки Поца (Поча), слева по ее течению. Река Поца является левым притоком Кокшеньги. Вариант *На Высокой* встречается в известной работе Е. Бурцева «Спас на Кокшеньге» (Вологодские епархиальные ведомости, 1911, № 18. С. 454).

Долговицы – гнездо деревень на правом берегу Кокшеньги. Здесь вдоль реки тянется длинный (*долгий*) заливной луг (наволок), который и привлек внимание первых жителей этой местности.

Заборье – расположено в среднем течении Уфтюги. От Ромашевского Погоста, бывшего в старину религиозным и административным центром Кокшеньги, заборские деревни отделены сосновым лесом (*бором*).

Илеза – гнездо деревень при слиянии рек Илезы и Кортюги. Финно-угорский гидроним Илеза в переводе на русский язык означает «Верхняя (река)» или «Верховье» (ср. вепсское *ilez* – «наверх», *ilahaine* – «верхняя»; финское *ylös* – «наверх») (Угрюмов, 1981. С. 103–104; Кузнецов, 2010б. С. 9–70). Поэтому любопытна корреляция двух соседних топонимов – финно-угорского Илеза и русского Верх-Кокшеньга (см. выше).

Лондужка – называется так от речки Лондужки, правого притока Тарноги. В XVII веке гидроним фиксировался в памятниках письменности как Лондушка, Ломдушка, Ломбушка (из более ранней формы *Ламбуга). Марийское слово *ламбо* означает «черёмуха», а в целом это «Черёмуховая река» (Кузнецов, 2010б. С. 124).

Лохта – все деревни этого гнезда находятся вдоль реки Лохты, правого притока Уфтюги. Есть русское диалектное слово *лохта* – «залив в реке или озере» или «сырой покос на берегу», которое связано по происхождению с финским *luhta* – «заливной луг». Гидроним можно сопоставить также с самским *lasta* – «мокрый берёзовый лес в пойме реки», либо с древней финно-угорской основой *ohita – «волок, перетаск лодок с одной реки на другую» (с последующей вставкой мягкого согласного *л* в начале топонима) (Кузнецов, 2010б. С. 124).

Маркуша – гнездо деревень по берегам реки Маркуша, левого притока Тарноги, возникшее в пределах владений бывшего Агапитова монастыря. Для толкования основы данного названия можно предложить русское диалектное слово *маракуша* – «самка глухаря или тетерева», которое было заимствовано из неизвестного финно-угорского источника. Возможно, по берегам реки в старину находились охотничьи угодья – тетеревиные тока (Кузнецов, 2010б. С. 130).

Наволок – так именуется несколько соседних деревень на левом берегу Кокшеньги, в пойме которой здесь находится крупный массив заливных лугов или *наволоков*.

Нижний Спас – расположен *ниже* по течению Кокшеньги, чем Верхний Спас (см. выше).

Озёрки – гнездо деревень вдоль реки Яхреньги («Озёрной реки» в переводе с древнего финно-угорского языка). Река эта отличается тем, что про-

текает через три озеровидных расширения или *озерка*. Местные жители именуют их Часовенское (оно же – Степановское, Нижнее), Васильевское (оно же – Среднее) и Заднее (оно же – Задненское, Верхнее) (Кузнецов, 2010б. С. 257).

Печеньга – или, реже, *Спас-на-Печеньге* – небольшое гнездо на реке Печеньге, правом притоке Кокшеньги. Возникло вокруг *Спасского Печеньгского* монастыря, основанного в 1619 году. Название реки Печеньга на русский язык можно перевести как «Сосновая река», ср. финское *petäiä*, саамское *piess* – «сосна» (Кузнецов, 2010б. С. 165). Местные жители иногда употребляют еще и такой вариант названия для этого гнезда, как *Илезо-Печеньга* (см. выше – Илеза), вероятно, желая подчеркнуть генетическую и историческую связь этих двух гнезд.

Пёлтасы – группа деревень на правом берегу Кокшеньги. В переписной книге 1692 года – «в *Пелтасах*» (Акты, 1908. Стл. 555). Основа этого топонима напоминает финское *pelto*, эстонское *põld*, вепсское *piid* – «поле, распаханная земля». Таким образом, название Пёлтасы является отражением начального этапа земледелия у местной чуди (Угрюмов, 1992. С. 51). Другая версия связана с финским и карельским *palte* – «склон горы, крутой берег», саамским *puolta* – «косогор», что находит подтверждение в расположении цепочки пёлтаских деревень вдоль крутого склона бывшего русла реки Кокшеньги.

Поца – называется по реке Поца (Поча), правому притоку Уфтюги. В Тарногском районе есть еще другая река Поца, но это приток Кокшеньги (см. выше – Высогорье). Существуют севернорусские диалектные слова *поца*, *поча* – «лужа, болото, старое русло реки», истоки которого связаны с вепсским *roze*, *roza* – «топкое место, лужа» (Кузнецов, 2010б. С. 173).

Раменье – обособленное от других гнездо деревень в верхнем течении реки Саланга (бассейн Сухоны). Русский народный географический термин *раменье* в старину означал «густой еловый лес, неосвоенный человеком» (Кузнецов, 2007а. С. 135).

Ромашево – находится в нижнем течении реки Уфтюги. Центром этого гнезда деревень является село Ромашевский Погост. В основе топонима видится народный вариант *Ромаш* мужского православного имени Роман (Кузнецов, 2007а. С. 137–138).

Семчуга – называется так по реке Семчуге, правому притоку Тарноги. Основу финно-угорского гидронима сопоставляли с коми *семчор* – «утка (малый крохаль)» (Угрюмов, 1981. С. 104), однако этимология эта недостаточно надежна. Если согласный *ч* появился как вставной звук между основой *сем* и формантом *уга* – «река», то первую часть названия можно сопоставить с коми *си*, марийским *шеш* в значении «чёрный» (Кузнецов, 2010б. С. 194).

Токушка – небольшое гнездо деревень на речке Токушке, правом притоке Тарноги. Название реки русифицировано. Можно выделить основу *ток-*, которая соответствует финскому *taka* – «зад, задняя часть», вепсскому *taga* – «позади». Таким образом, древний гидроним *Такуга означал «Задняя (т.е. дальняя) река».

Тюрберь – гнездо расположено на левом берегу Кокшеньги. В явке 1632 года упоминаются названия *Тюлеберская волость* и *Тюлеперь* (Акты, 1894. Стл. 707–708). Вепское *turbiz* означает «дёрн, дернистый». Вероятно, как и название соседнего гнезда деревень Пёлтасы (см. выше), данный топоним можно считать своеобразным земледельческим «индикатором» чуди. Другое толкование связано с тем, что в топониме выделяется формант *-берь*, сопоставимый с финским, карельским *vieri*, вепским *ver* – «край, сторона; место около чего-либо», эстонским *veer* – «скат, склон», саамским *vierrâ* – «лесной холм» (Матвеев, 2004. С. 16), но финно-угорская основа *тюре-* или *тюле-* пока перевода на русский язык не имеет.

Усть-Уфтюга – небольшое гнездо деревень около *устья* реки *Уфтюга*, там, где она впадает в Кокшеньгу. В старину здесь существовала даже особая «Устьуфтюшская волость», которая позднее слилась с Шведеницкой волостью.

Хавденицы – группа деревень, растянувшихся в одну линию вдоль левого берега Кокшеньги. В вепском языке слово *haud* означает «яма». Хавденицы расположены на склоне долины реки, сильно изрезанном оврагами и сухими логами. Кроме того, на пойме реки Кокшеньги здесь много стариц и следов древних русловых процессов.

Чуломатки – находятся на левом берегу реки Кокшеньги, ниже впадения в нее Уфтюги. В середине XVII века это гнездо деревень упоминается как *Чуломатка* (Акты, 1894. Стл. 756). Предлог *čuiul* в саамском языке означает «вдоль, по», а слово *mutke* – «путь, дорога». Таким образом, Чуломатки можно перевести как «Вдоль по дороге» или «Придорожные».

Шебеньга – гнездо расположено вдоль рек Глухая Шебеньга и Шебеньга. Последняя впадает в Кокшеньгу слева, ниже Тарногского Городка. В качестве предположения основу названия реки можно сравнить с прасаамским **sevon*, саамским *sava* – «плёс; широкое и глубокое место в реке». Тогда Шебеньга – это «Плёсовая река» (Кузнецов, 2010б. С. 244).

Шведеницы – гнездо деревень в центре Тарногского района при впадении реки Тарноги в Кокшеньгу. Основа данного топонима *шевд-* имеет финно-угорское происхождение, но значение ее остается пока темным, неясным.

Шевелёвки – гнездо деревень в верхнем течении реки Уфтюги, левого притока Сухоны. Это сокращение от названия главной деревни *Шевелёвская* и соседних с ней четырех деревень, известных под общим названием *Шевелёвские Выставки*. В основах данных ойконимов заложена типичная местная фамилия Шевелёв (Кузнецов, 2007а. С. 178).

Шунова – небольшое гнездо деревень на речке Лебеньге (Лебеденьге), правом притоке Кокшеньги. В переписной книге 1692 года – *Шунова* (Акты, 1908. Стл. 549). В языке саамов (древнего народа лопь, лопари) есть слово *surpe* – «осина, осинник» (Угрюмов, 1981. С. 105).

Судя по таким источникам XVII века, как писцовые, дозорные и переписные книги, в пределах Кокшеньгской чети выделялось 18 волостей

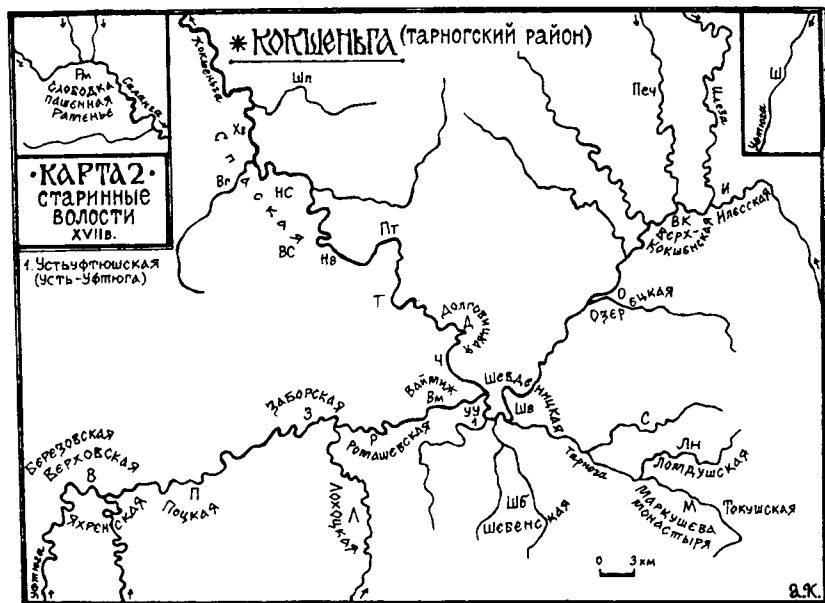

Рис. 2. Карта-схема волостей Тарногского района на XVII век

и монастырских владений (рис. 2). Позднее волости неоднократно меняли свои границы, названия и административный статус: их объединяли, разъединяли, переименовывали. Тем не менее можно отметить, что большинство старинных волостей повторяли контуры первоначально сложившихся гнезд деревень. Либо же в одну волость входили 2–3 гнезда, расположенных по соседству. В годы советской власти волости уступили место сельсоветам, которые, в свою очередь, территориально и топонимически совпадали со старинными волостями и гнездами.

Названия кокшенигских деревень (ойконимы) сверялись нами по различным источникам. От XVII века сохранилось несколько писцовых и переписных книг Кокшенигской чети Важского уезда, в которых упоминаются сотни ойконимов с территории современного Тарногского района (Васильев, 1970. С. 537–562; Колесников, 1971; Родословие вологодской деревни, 1990). В основном в этих источниках фиксировались так называемые *официальные* названия деревень, то есть те, которые заносились в различные документы. *Народные* названия деревень можно найти в списках населенных мест Вологодской губернии середины XIX – первой половины XX века (Вологодская губерния, 1866; Список населенных мест..., 1881; Материалы для оценки земель, 1908). Источники советского периода (Список населенных мест..., 1931; Книга памяти Вологодской области..., 1993; Вологодская область, 1973; Вологодская область, 2001) позволяют в ряде случаев уточнить некоторые варианты ойконимов. На рубеже 1970–1980-х годов в Тарногском районе было проведено анкетирование всех населенных пунктов, включая заброшенные

деревни и хутора. Первым пунктом в анкете фиксировались официальные и народные ойконимы. Материалы анкетирования были переданы в районный музей (Колесников, Угрюмов, 1982. С. 48–63), но впоследствии они не обрабатывались и не публиковались.

В свое время красвед А.А. Угрюмов подсчитал, что 182 деревни из 286 имели ещё и народные названия кроме официальных. Это 63,6% от общего числа тарногских ойконимов (Колесников, 1997. С. 97). Наши исследования позволили увеличить этот процент до 70. Проблема возникновения двойных ойконимов на Русском Севере постоянно обсуждается в научной и краеведческой литературе. Основные версии можно объединить в три группы.

1. Официальные названия деревням давались государственными чиновниками (писцами, дьяками), которые и записывали их в дозорные, писцовые и переписные книги XVI–XVII веков. Народные названия существовали в устном виде в крестьянской среде, а источниками стали фиксироваться только с конца XVIII – середины XIX века.

2. Официальные названия деревни получали при присоединении в XV веке бывших новгородских или иных владений к Московскому княжеству, в то время как старинные народные названия являются памятью о временах Новгородской боярской республики, либо местных княжеств.

3. Ряд двойных (или даже тройных) ойконимов появился по той причине, что в старину одной деревней могли владеть несколько крестьян-складников. Например, в переписной книге Важского уезда 1710 года записано: «Деревня *Даниловская*, а *Рыбинская* тож: двор Григорья *Рыбина*, а он Григорей, умре..., двор Лариона да Михаила *Даниловых* детей, Ларион умре, а Михайло скитаецца в мире, а ныне тем двором владеет по крепостям Леонтей Иванов...» (Колесников, 1976. С. 230–231). Не исключено также, что деревня за века своего существования могла переходить от одного владельца к другому, после чего к старому названию добавлялось новое.

Скорее всего, все три версии имеют право на существование, но применять их нужно с учетом местных исторических особенностей.

Официальные названия деревень Тарногского района в преобладающем большинстве имеют формант *-ская*, который, напротив, редко встречается среди народных ойконимов. У последних же отмечаются форманты *-ова*, *-иха*, *-ка*, *-ина* и др. Известно, что в основах названий деревень с окончанием *-ская* чаще всего закладывались отчества (*отчества*, возможные будущие фамилии) крестьян-кокшаров, а в основах народных ойконимов много исторических и географических терминов.

Замечено также, что некоторые названия деревень повторяются в различных волостях. Эти повторяющиеся (частотные) названия образуют своеобразные внутриволостные топонимические системы (рис. 3). Среди кокшеньгских гнезд деревень можно выделить две группы – более старые по времени возникновения, более крупные по площади и числу деревень и вторичные, появившиеся относительно позднее, небольшие по площади. К по-

Рис. 3. Схема характерных кокшеньгских ойконимов

следней группе относятся гнезда деревень Шупова, Высогорье, Наволок, Чуломатки, Усть-Уфтога, Шевелёвки, Печеньга, Семчуга, Лондужка и Токушка. Внутриволостные системы названий деревень в перечисленных только что гнездах полностью так и не сложились, поэтому примеры ойконимов из них в настоящей статье встречаются редко.

Все внимание в основном уделено старым гнездам деревень.

Рассмотрим ниже наиболее характерные кокшеньгские ойконимы, которые повторяются в разных гнездах деревень (рис. 4), и сравним их с тотемскими и устьянскими названиями на соседних землях.

Погост

«Словарь вологодских говоров» приводит такие значения слова *погост* – «церковь с кладбищем, землей и домами причта», «село, деревня с церковью» (Словарь вологодских говоров. Т. 7. С. 85). Обычно такие погосты рас-

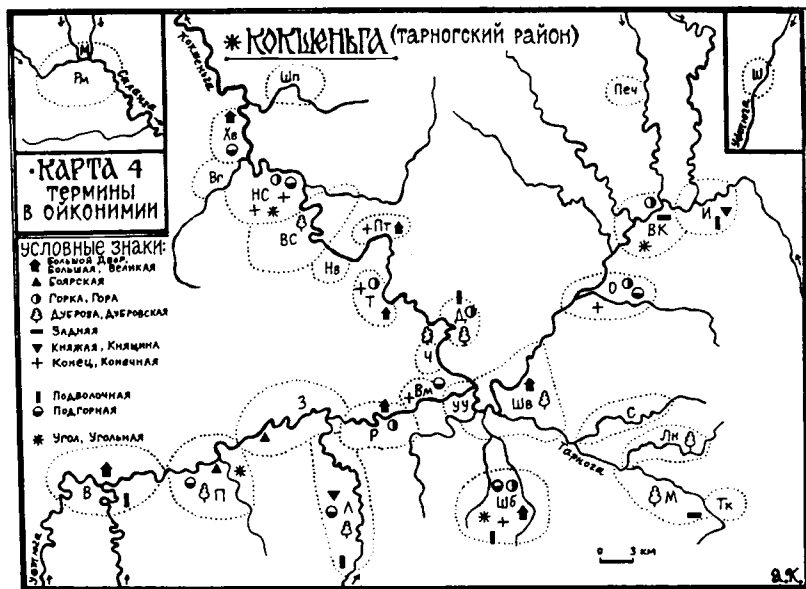

Рис. 4. Карта-схема внутриволостной топонимической системы

полагались в самой середине старинных волостей и были их религиозными и административными центрами. Характерной особенностью для деревень с названием Погост было также географическое расположение на берегу реки или в непосредственной близости от реки или озера. Таким образом, все Погосты были как бы нанизаны на нити рек.

На территории современного Тарногского района в старину имелись следующие погосты: Верховский, Поцкий, Лохотский, Заборский, Ромашевский, Шебеньгский, Маркушевский, Лондужский, Шведеницкий, Долговицкий, Тюреберский, Спасский, Ивасский, Озерецкий, Верхкокшеньгский, Илезский (рис. 5). Севернее, на территории современных Вельского и Устьянского районов Архангельской области, к кокшеньгским погостам относились также Заяцерецкий, Ростовский, Минский и Ракуло-Кокшеньгский. Судьбы этих населенных пунктов были различны. Некоторые из них по каким-то причинам не вызвали притяжения к себе населения и остались чисто религиозными объектами (церкви, кладбища, дома священника, дьячка). К этой группе можно отнести Лохотский, Поцкий, Ивасский и Долговицкий Погосты. Другие же с течением времени превратились в крупные сёла. В качестве примеров таких погостов стоит назвать Заборский, Шведеницкий, Шебеньгский, Спасский, Верхкокшеньгский и Илезский Погосты.

В источниках XIX – начала XX века приводятся полные, церковные названия кокшеньгских погостов (Вологодская губерния, 1866; Кузнецов, 2011):

Рождество-Богородский или Богородице-Рождественский Погост, он же называется Верховский; Ильинский Погост* – Поцкий; Происхожденский Погост – Лохотский; Царе-Константиновский Погост – Заборский; Введенский Погост – Ромашевский; Троицкий Погост – Шебеньгский; Никольский Погост – Маркушевский; Ильинский Погост – Лондужский; Богоявленский Погост – Шведеницкий; Троицкий Погост – Долговицкий; Зосимо-Савватиевский Погост – Тюреберский; Преображенский или Кокшеньгский Спасо-Преображенский Погост – Спасский; Никольский Погост – Ивасский; Христо-Рождественский Погост – Озерецкий; Воскресенский (Афанасьевский) Погост – Верхкокшеньгский; Георгиевский Погост – Илезский.

Впрочем, это были искусственные, официально-религиозные названия. Крестьяне в обыденной речи так погосты никогда не называли. Более того, внутри отдельной волости чаще всего использовалось одно слово – Погост – без каких-то определений.

На территории соседнего Тотемского района ойконимы Погост также являются распространенными названиями. Почти в каждой волости на Средней Сухоне были свои погосты, а в наиболее крупных волостях было даже по несколько погостов. Например, в Толшменской волости, растянувшейся вдоль по течению реки Толшмы (правого притока Сухоны) почти на шестьдесят верст, существовало целых семь погостов – Благовещенский Усть-Толш-

* Названия погостов и приходов могли меняться в зависимости от названия главного храма. Например, Поцкий приход в конце XVII века назывался Георгиевский, Шведеницкий – Николаевский, а Шебеньгский – Ильинский (Н.Н.).

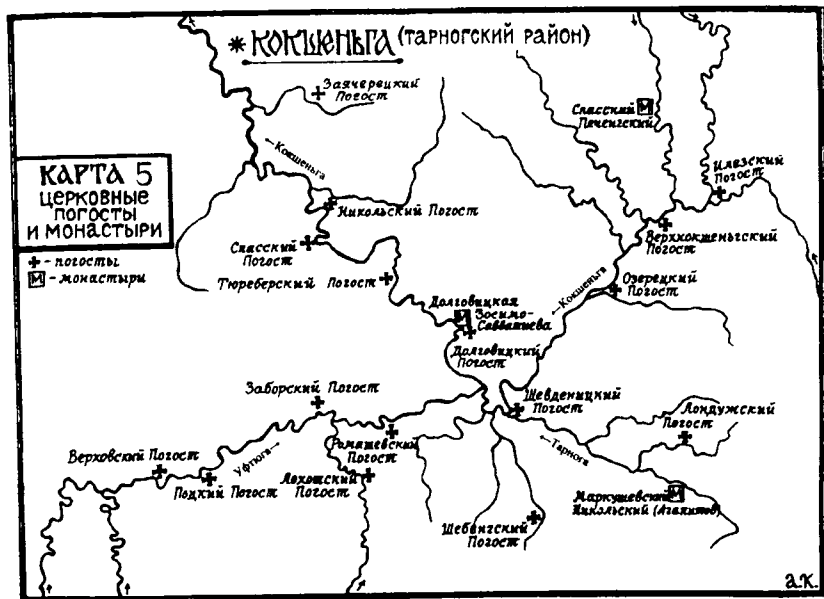

Рис. 5. Карта-схема церковных погостов и монастырей. Тарногский район

менский (село Благовещенское), Христо-Рождественский Маныловский, Вознесенский (деревня Воротишна), Никольский (деревня Никола), Предтеченский (деревня Предтеча), Успенский (село Успенье), Алексеевский (деревня Игошево) (Кузнецов, 2007б. С. 104–115, 206–207, 215, 270). В Кокшеньгской чети также существовали волости, где было по два Погоста, – это Берёзовская (Верховская, Яхренская) волость в верхнем течении Уфтуги и Спасская волость в среднем течении Кокшеньги (рис. 2, 4).

К северо-востоку от Кокшеньги, в пределах Устьянских волостей, термин *погост* был обычен, однако использовался в образовании местных названий деревень не так активно. По берегам реки Устья известны Дмитриевский Погост, Бестужевский Погост, Никольский Погост, Орловский Погост, Чадромский Погост (Кузнецов, 2010а. С. 20, 35, 70, 98). Объясняется это тем, что для устьянских деревень гнездовое расположение не так характерно, как для кокшеньгских и тотемских. Населенные пункты по Устью большей частью вытянуты в цепочки вдоль по течению реки.

В XX веке, при советской власти и политике государственного атеизма, названия деревень со словом Погост стали восприниматься как некий анахронизм. Население и власть в ряде случаев постарались избавиться от них. Например, в Тотемском районе вместо деревни Погост (с вариантами – Воскресенский Погост, Царевский Погост) в бывшей волости Царева появился современный поселок Царева. В том же районе село Благовещенское (Усть-Толшменский Погост) в 1929 году было переименовано в Красное (Кузнецов, 2007б. С. 133–134, 283). Нечто подобное происходило и в Тарногском

районе. Село Красное на реке Уфтюге здесь появилось в 1918 году, сразу после Октябрьской революции. В его состав вошел и Заборский Царе-Константиновский Погост (Кузнецов, 2007а. С. 84). Шевденицкий Погост при советской власти превратился в село Тарногский Городок, а старинные названия Лохотский Погост, Маркушевский Погост, Лондужский Погост, Озерецкий Погост в списках населенных пунктов Тарногского района второй половины XX века уже не фигурируют вовсе (Вологодская область, 1973. С. 262–272). В современных списках населенных пунктов на реке Устье название Погост исчезло совсем: Дмитриевский Погост стал деревней Алфёровская, Бестужевский – селом Бестужево, Никольский – селом Строевское, Орловский – деревней Дубровская, а Чадромский Погост – селом Чадрома.

Гора, Горка

Это одни из самых частотных вологодских ойконимов: по данным на 1974 год в нашей области насчитывалось 34 деревни Гора и 91 Горка (Вологодская область, 1973. С. 406–407). Административный и владельческий термин *горка* (с более редким вариантом *гора*) в старину означал «церковное земельное владение». Значения «большой холм; округлая возвышенность» для названий деревень были неактуальны, так как преобладающее количество и кокшенинских, и тотемских, и устьянских деревень располагаются на вершинах холмов (горок). В этих случаях каждую деревню можно было назвать Горкой. Тем не менее, в каждом гнезде деревень (в каждой волости) имелось всего по одной деревне Горка. Замечено также, что в территориальном отношении данные деревни всегда тяготеют к церковным Погостам. Есть целый ряд примеров, когда деревни Погост и Горка стоят рядом, что называется, «в виду друг друга».

В памятниках деловой письменности XVI–XVII веков неоднократно встречаются фразы, подтверждающие церковное землевладельческое значение ойконимов Горка, Гора. Например: «Того ж Рождественского погоста (Вологодского уезда) деревня церковная Горка на речке на Бучихе, а в ней во дворе поп Иван...» (Материалы по истории Европейского Севера, 1972. С. 118); или: «Да к тому ж погосту Перя (Устюженского уезда) церковная деревня Горка, а в ней во дворе поп Еустафей Васильев, да во дворе церковной дьячек Марко Васильев...»; «Да к тому ж погосту Долоскому (Устюженского уезда) деревня Горка на суходоле. А в ней поп Софонея Федоров, да церковный дьячек Баженко Тимофеев» (Пугач, 1995. С. 297; Пугач, 2000. С. 198); «...а владели прошлые протодьяконы деревенькою Горкою» (Акты, 1890. С. 193); в «сказке» Кичменгской волости Устюжского уезда 1694 года говорится о том, что «...церковную деревню Горку в прошлом в 201 году продали, а купили той же волости крестьяне Харитон да Василей Яковлевы дети Игумновых, а дали за ту церковную деревню 8 рублей денег...» (Акты, 1908. С. 1120); «Деревня Никольская Горка (Вологодского уезда), во дворе поп Иван Андреев...» (Памятники письменности, 1985. С. 205). Вплоть до XX века несколько таких деревень имели явные «церковные» определения в названиях –

Горка Ильинская, Горка Никольская, Горка Покровская (Вологодская область, 1973. С. 407).

Вообще, замечено, что церковный и монастырский ономастиконы принципиально отличались от крестьянского (*мирского*). Так, подбор личных имен монахов Спасо-Прилуцкого монастыря в XVI веке полностью не совпадает с характерными для того времени именами крестьян (Чайкина, 2005. С. 210–216). Деревни, принадлежавшие некогда Маркушевской Агапитовой пустыни на реках Маркуше, Лондужке и Тарноге имели официальные названия Угор (с народным вариантом – Монастыриха), Скотный Двор (с народным вариантом – Скотная), Пар, Мельница (с народным вариантом – Мельничная), Толчая, Кривуля, что совершенно выпадает из кокшеньгского ойконимического ряда, где преобладали владельческие ойконимы с крестьянскими отчествами в основе – Исаковская, Мелентьевская, Семёновская и т.п. Ни один из перечисленных выше маркушевских монастырских ойконимов с хозяйственными и народными географическими терминами в основах не повторяется больше ни в одной из кокшеньгских волостей, что очень показательно. Значит, и для отличия церковных деревень использовался особый термин *горка* (*гора*).

В Тарногском районе было и есть до сих пор несколько деревень Гора и Горка. Рассмотрим их размещение на местности. Так, в Озёрках деревня Гора (она же Манюковская) расположена на правом берегу Кокшеньги, напротив бывшего Христо-Рождественского Погоста. Деревня Гора (она же Обманщиковская) в Долговицах стояла на правом берегу Кокшеньги, рядом с местным Троицким Погостом. Третья кокшеньгская Гора (она же Палачевская) находилась в Верх-Кокшеньге, неподалеку от Воскресенского (Афанасьевского) Погоста. На реке Печеньге, близ Спасского Печеньгского монастыря, была деревня Гора (с вариантами Горская, село Горское). В отличие от земельных владений приходских церквей, в данном случае село Горское было монастырским, чем, вероятно, и объясняются особые варианты этого ойконима.

Деревня Горка в Ромашеве располагалась на берегу речки Черноватки, в 4 верстах к югу от Введенского Погоста. Нижнеспасская Горка стоит на берегу реки Пежда (Крутец). Скорее всего, это было церковное владение соседнего Ивасского Никольского Погоста, который находился в 6 верстах восточнее. Далее, вниз по Кокшеньге, в пределах бывшей Минской волости (ныне территория Устьянского района), была деревня Горка (она же Скрябинская). Располагалась она на левобережье реки, чуть ниже Минского Погоста. В Ракуло-Кокшеньгской волости (ныне в Вельском районе), которая занимала земли по обоим берегам Кокшеньги ниже Минской волости, имелась своя церковная деревня Горка (с вариантом Гора, она же Охлябинская). Надо сказать, что в этой волости расстояние от Горки до церковного погоста, который располагался близ деревни Козловская, достигает 10 верст, но это один из немногих примеров удаленного расположения пары ойконимов Погост – Горка. Деревня Горка (с вариантом Горки) среди шебеньгских деревень располо-

жена на речке Ольховице (с вариантом названия Олиховица), также довольно далеко от местного Троицкого Погоста. Однако рядом находится деревня с названием Старый Двор, что дает возможность предположить существование в старину второго административного и религиозного центра Шебеньгской волости. Исторический термин *двор* или *великий двор* (см. ниже: Великая, Большая, Большой Двор) некогда означал центр земельного владения, в котором могла располагаться и церковь. В сохранившихся памятниках письменности храм в деревне Старый Двор не отмечен, но название соседней деревни Горка свидетельствует в пользу его существования. Наконец, ойконим Горка (она же Лыгинская) на левом берегу Кокшеньги в Тюребери говорит в пользу принадлежности этих земель местному Зосимо-Савватиевскому Погосту, до которого от деревни всего 2 версты.

Ойконим Красная Горка на реке Семчуге, по всей видимости, выпадает из означенного выше топонимического ряда, так как среди старожильческих деревень она не значится. Название этой деревни означает либо просто «красивая горка», или связано с празднованием церковного ритуала «красная горка». Так в старину именовали место на вершине самого высокого холма в округе, где люди собирались на Фоминой неделе на игрища, целью которых была «закличка весны», а также поминание предков, родителей (Даль, 1995. Т. 2. С. 187; Кузнецов, 2007а. С. 84).

На территории Тотемского уезда примеры взаимного соседства деревень Горка (Гора) и Погост встречаются также часто (Кузнецов, 2007б. С. 69–71). Например, в Кулойской волости деревня Горка располагалась рядом с Воскресенским Погостом. На краю другой деревни Горка, на левом берегу реки Тафта, стояла Никольская церковь. Благовещенский храм в волости Вожбал стоит на соседнем холме с деревней Гора (с вариантом Горка), второе название которой еще больше подчеркивает церковную суть этого ойконима – Поповка, то есть деревня, где жил и которой владел местный поп (священник). Так деревня именуется еще в дозорной книге Тотемского уезда 1619 года (Родословие вологодской деревни, 1990. С. 201). И это далеко не все примеры из среднесухонских волостей. Главное, что традиция именования церковных деревень, как Гора, Горка, прослеживается и здесь.

В Устьянских волостях отмечено всего две деревни Гора, и у обеих имеются варианты названия Нагорская (Кузнецов, 2010а. С. 32–33), не встречающиеся в кокшеньгских и тотемских гнездах деревень. Первая устьянская Гора (Нагорская) расположена на левом берегу реки Устья, рядом со старинным Орловским Погостом, а вторая Гора (Нагорская) находится в составе деревень Ростовской волости, занимавшей промежуточное положение между устьянскими и кокшеньгскими волостями. Недалеко от ростовской Горы стояли церкви местного приходского погоста. Следовательно, на реке Устье и в ее ближайших окрестностях традиция особого именования церковных деревень имела, но была не повсеместной, а с топонимической точки зрения претерпела изменения в виде особого варианта Нагорская. Еще один устьянский

вариант термина *горка* – Горочная. Отмечено три деревни с таким названием – в Бестужевской, Камкинской (Шангальской) и Малодорской (Соденской) волостях. Учитывая тот факт, что у всех этих названий есть вариант Горка, его можно считать более близким к тотемской и кокшеньгской топонимическим традициям.

Подгорная

На реке Тафте в Тотемском районе в старину стояло всего четыре деревни (изначально входили в состав Царевской волости, затем были переданы в Тиксенскую волость). Две из них носили названия Горка и Подгорная. Первая, как уже отмечалось выше, действительно стояла на высоком холме (на горе), рядом с Никольской церковью, а вторая – на самом берегу Тафты (под горой) (Кузнецов 1997. С. 38–41). Но тафтенская Подгорная – единственный подобный ойконим среди ойконимов всех тотемских волостей. Зато в Кокшеньгской чети отмечено 11 деревень с названием Подгорная (в Верховье, Поце, Лохте, Шебеньге, Озёрках, Ваймеже, Нижнем Спасе, Высогорье, Хавденицах, Мине, Ракуло-Кокшеньге). В заключение этого впечатляющего ряда назовем деревню Поташевскую (народное название ее тоже Подгорная), которая находится в устье реки Кокшеньги при впадении ее в Устье (уже на территории Шенкурского района Архангельской области). К северо-востоку в сторону Устьянских волостей отмечены еще две деревни Подгорные в большой Ростовской волости и одна – в Малодорской волости, в то время как среди названий деревень по берегам самой реки Устья не встречается ни одного ойконима Подгорная.

Если взять за основу тафтенско-тотемскую пару названий деревень Горка – Подгорная, то логично будет предположить, что и в кокшеньгских гнездах деревень Подгорные должны соседствовать с Горками и церковными погостами. Так ли это, разберем на конкретных примерах. В Верховье, судя по сведениям, сохранившимся в писцовой книге 1685 года, Подгорная стояла вдалеке от Богородице-Рождественского Погоста, но рядом с деревней Великая (Колесников, 1971. С. 86) – старинным центром боярского владения. Позднее верховская Подгорная исчезла и в источниках XVIII–XIX веков уже не упоминается. Лохотская Подгорная (она же Антипинская) тоже не имеет никакой связи с местным церковным погостом, а стоит у подножия огромного холма, на вершине которого находится деревня Дуброва. В Шебеньге деревня Подгорная расположена на левом берегу речки Лебеньга, неподалеку от Троицкого Погоста. Схожая с тафтенско-тотемским примером пара Гора – Подгорная отмечена в Озёрках. Там деревня Манюковская (она же Гора) стоит на вершине высокого холма над рекой Кокшеньга, а Баклановская (она же Подгорная) притулилась у подножья этого холма. Причем на противоположном берегу Кокшеньги располагался местный Христо-Рождественский Погост. В Поце наблюдалась схожая ситуация: деревня Будринская Вторая (она же Подгорная) стоит на левом берегу Уфтюги, а напротив нее, на другом берегу реки были видны строения Поцкого Погоста. В небольшом гнезде деревень

Ваймеж на левобережье Уфтюги не было ни деревни Гора, ни своего церковного погоста, а местная Подгорная занимает всего лишь самое низкое место в ряду ваймежских деревень. В Нижнем Спасе деревня Игунинская (она же Подгорная) соседствует с деревней Горка, а в Мине (на территории Устьянского района) другая Подгорная (она же Лукьяновская) стоит неподалеку от Минского Погоста.

Таким образом, можно сделать вывод об очевидной связи между ойконимами Подгорная и Горка, а также приуроченности этой топонимической пары к церковным погостам. Вероятно, Подгорной в старину называли ближайшую к местному церковному погосту или поповскому земельному владению обычную крестьянскую деревню. Географический фактор расположения данных населенных пунктов *под горой*, на берегу реки также имел место и в ряде случаев на Кокшеньге даже становился решающим (в Лохте, Высогорье, Хавденицах).

Великая, Большая, Большой Двор

На территории современного Тарногского района разновременные письменные источники отмечают пять деревень с одинаковым названием Великая. Первая из них находится в Верховье, на левом берегу реки Уфтюги. Вторая Великая (она же Ваневская) стоит на левом берегу Кокшеньги в Хавденицах. Третья Великая (она же Погоняевская) расположена на правом берегу Кокшеньги в Шведеницкой волости. Четвертая деревня Великая стояла еще не так давно в истоках речки Глухая Уложка в Шебеньге. Наконец, пятая деревня Великая (с вариантом село Великое) находилась на реке Сухоне. Вероятно, в старину эти деревни были административными центрами земельных владений, или *боярицин*. Прилагательное *великая* раньше означало «главная, высшая, властная», а термин *великий (большой) двор* служил для обозначения центра боярского владения, в котором располагалась администрация феодала. В источниках XV века новгородские бояре-своеземцы в бассейне Двины неизменно именуется «боярины *великие*» (Бернадский, 1961. С. 315).

В дальнейшем ни одна из кокшеньгских деревень с названием Великая не сохранила за собой административных функций. Тем не менее можно считать, что до перехода земель Кокшеньги под власть Московского княжества перечисленные выше деревни были главными среди только-только сформировавшихся гнезд деревень в Верховье, Хавденицах, Шведеницах, Шебеньге и в одной из посухонских слободок.

Схожее значение в старину имели ойконимы Большая и Большой Двор. Особое место среди них занимает тюреберская деревня Большая (она же Паунинская Нижняя). В середине XV века это было Большое село среди владений новгородского боярина Василия Степановича (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. С. 244–248). Точно такой же боярский административный центр был на другом берегу Кокшеньги – в Пёлтасах, где существует деревня Большая (она же Дементьевская). Однако какой боярин или какая боярская семья владела ею и другими пёлтасскими деревнями, источники до нас не донесли.

Любопытен ойконим Большой Двор (с вариантом Великий Двор, она же Регишёвская) в Ромашевской волости. По всей видимости, в старину в этой большой по площади волости могли быть не одна, а несколько боярщин. По каким-то причинам до наших дней в Ромашеве сохранилось лишь единственное название Большой Двор. Вокруг Регишёвской в самом деле просматривается особое гнездо деревень – Горка, Петряевская, Пендус, не имеющее особого названия в настоящее время (не выделенное нами и на рис. 1). Вероятно, в старину это было в самом деле какое-то отдельное образование, в котором заметны даже ойконимы из типичных внутриволостных систем – Горка и Большой Двор, но затем оно слилось с Ромашевским гнездом.

Тотемские гнезда деревень в этом плане незначительно отличались от волостей Кокшеньгской чети. В Царевской волости была деревня Большой Двор (она же Исаево), а в Кулойской, Печеньгской, Старототемской и Толшменской волостях существовали деревни Великий Двор (Кузнецов, 2007б. С. 37, 48–49). Причем толшменская и печеньгская деревни сохранили свое административное значение вплоть до недавних времен и при советской власти были центрами двух Великодворских сельсоветов (Тотемского и Толшменского районов Северного края в 1930-х годах).

По берегам реки Устья не отмечено деревень с названиями Великий Двор, Большая, Большой Двор. Единственный ойконим, который позволяет связать Устьянские волости с более южными кокшеньгскими и тотемскими землями, это название деревни Великая в Дмитриевской волости. Стоит она при впадении реки Мехреньги в Устье, рядом с религиозным центром волости – деревней Алфёровская (она же Погост). Но, судя по всему, на начальном этапе освоения русскими людьми верхнего течения Устья именно Великая была административным центром старинной Усть-Мехренгской сохи (Кузнецов, 2010а. С. 27). Возможно, ряд устьянских деревень утратил термин *великая* с течением времени. Так, современная деревня Вежа на правом берегу Устья в переписной книге 1634–1636 годов именуется как Великая Вежа. Согласно распространенной народной этимологии эта деревня получила свое название из-за того, что в старину на ее месте стояла сторожевая башня (*вежа*), с вершины которой было хорошо наблюдать за всеми перемещениями по реке Устье. В самом деле, Вежа стоит на вершине огромного холма, с которого открываются широкие виды на десятки верст во все стороны света. В словаре В.И. Даля слово *вежа* дается с несколькими значениями: «шатёр, палатка, кочевой шалаш, кибитка, сторожка», а также «башня, каланча». *Вежей* в старину называли и рыболовную тоню с временными шалашами на берегу реки или озера, но для устьянской деревни данное толкование никак не подходит. Новгородские говоры для слова *вежа* дают следующее значение – «межа, грань, рубеж» (Даль, 1995. Т. 1. С. 175). Таким образом, сегодня уже достаточно сложно выяснить истинную мотивацию возникновения ойконима Вежа. Скорее всего, он отражает именно значение некоего рубежа, границы между старинными волостями или иными земельными владениями (боярщи-

нами великими) на Устье. Определение *Великая* из источника XVII века связано как раз с былой административной функцией этой деревни (Кузнецов, 2010а. С. 26–27).

Боярская, Княжая

Различия в боярском и княжеском землевладениях на Русском Севере нашли отражение и в других названиях деревень. Наряду с ойконимами Великий Двор (Великая) и Большой Двор (Большая) центрами феодальных землевладений были деревни с названием Боярская. В пределах Кокшеньгской чети источники зафиксировали две такие деревни: первая Боярская (она же Сереброво) находится на правом берегу реки Уфтюги в Заборье, а вторая (она же Карелинская Первая) стоит в гнезде деревень Поца. В соседнем Тотемском уезде также было две деревни Боярская: одна в самом центре волости Тиксна, другая в Толшменской волости. В Устьянских же волостях деревень с таким названием не было.

Боярское землевладение на Русском Севере принято считать новгородским по происхождению. Известно, что в Господине Великом Новгороде князь не имел права владеть земельными угодьями, поэтому названия деревень Княжая, Княжиха, Княщина обычно связывают с низовскими или ростовскими, а позднее – московскими княжествами. А.А. Угрюмов в очерке «Боярщины Своеземцевых на Кокшеньге», опубликованном в районной газете «Ленинец» в 1980 году (10 апреля, № 44), писал следующее: «Нанося на карту обширные владения новгородских бояр Своеземцевых в Кокшеньге, мы можем наблюдать интересное явление: в нижнем течении этой реки земли располагаются по обоим ее берегам; выше же устья реки Заячьей, на которой издавна стоит Ростовский Погост, вотчины Своеземцевых упорно придерживаются левого, западного берега реки Кокшеньга. Такую же картину мы видим и на притоке Кокшеньги, на реке Уфтюга: по левому, северному берегу реки идут «боярские» земли (деревня Боярская в Заборье), на южном же берегу ее стоит явно ростовская деревня Княщина. Создается впечатление, что реки Заячья, Кокшеньга и Уфтюга в XIV–XV веках, в период противостояния в Поважье новгородцев и ростовцев, были пограничными реками».

Здесь нужно уточнить, что обе тарногские деревни Боярские стоят все же на правом берегу Уфтюги, а деревня Княщина (она же Ведерниковская) расположена чуть южнее, на притоке Уфтюги – реке Лохте, но не в этом суть. Важнее подмеченная А.А. Угрюмовым особенность: реки Уфтюга и Кокшеньга на определенном историческом этапе были границами двух систем землевладений. Конечно, эти границы были непостоянны, могли меняться, но упомянутые выше названия деревень укладываются в обозначенную краеведом схему. Любопытно в этой связи название деревни Новгородовская (в источниках XVII века – Навгородская, Ноугородовская), что стоит на высоком правом берегу Кокшеньги, то есть в самом «углу» обозначенных А.А. Угрюмовым границ. Согласно местной легенде первыми здесь поселились *новгородские* атаманы-ушкуйники с прозвищами Сила и Бусый (Бусырь), от

которых в округе затем пошли фамилии Силины (*Силинские*) и Бусыревы (Чекалов, 1973. С. 18–19). По-видимому, на месте этой деревни действительно существовал административный центр *новгородских* владений на реке Кокшеньга. Место для него было выбрано удачно – недалеко от впадения в последнюю Уфтюги и Тарноги, в самом центре кокшеньгских волостей. Близ Новгородской археологам в конце XX века удалось обнаружить следы укрепленного городища, что и подчеркивает «властную» роль этой деревни.

В Тарногском районе есть еще деревня Княжая (она же Марковская) на Илезе. Вероятно, в старину она тоже была центром княжеского землевладения в данной местности. Рядом с Княжиной, на другом берегу Лохты, позднее возникла и деревня Подкнящина (она же Ожигинская).

Интересные примеры противостояния новгородского и московского (ростовского, низовского) землевладений отмечены в тотемских волостях. На реке Печеньге, правом притоке Сухоне, рядом стоят две деревни – Великий Двор и Княжая. Другой пример связан с Нижнееденгским улусцем (в XV–XVII веках слово *улусец* применялось в значениях «маленькая волость с особым режимом сбора податей» или «часть большой волости»), который входил в состав волости Старая Тотья: там деревни Великий Двор (она же Маслово) и Княжая стояли недалеко друг от друга на реке Еденьга. Третий пример отмечен в бывшей волости Вотча Тотемского уезда (ныне на территории Бабушкинского района), где деревни Великий Двор и Княжево разделяет расстояние всего в 5 верст. По всей видимости, эти топонимические пары возникли во времена, когда волости на Средней Сухоне были «смесными», то есть совместными владениями Новгорода и Москвы. В деревнях Великий Двор располагался представитель новгородской боярской администрации, а в Княжей (Княжево) – великокняжеский представитель (Кузнецов, 1997. С. 62–63).

Как уже отмечалось, в Устьянских волостях не было «боярских» ойконимов. Не удалось найти на реке Устье и «княжеских» названий деревень. Вероятно, ярко выраженного противостояния различных типов землевладения там не было.

Подволочная, Задняя

Еще одно достаточно частотное название кокшеньгских деревень – Подволочная. Всего на территории современного Тарногского района отмечено 5 таких ойконимов (в Шебеньге, Верховье, Долговицах, Илезе и Лохте). При этом ни в Тотемском уезде, ни в пределах Устьянских волостей подобные названия деревень не встречаются вовсе.

Народный географический и исторический термин *волока* в старину имел два основных значения: «перетаск по суше лодок с одной реки на другую, из одного озера в другое» и «лесная дорога через водораздел, либо – между двумя гнездами деревень» (Словарь русского языка. Т. 3. С. 6–7; Словарь вологодских говоров. Т. 1. С. 79). Все пять тарногских деревень с одинаковым названием Подволочная находятся на окраинах своих волостей, перед нача-

лом лесных дорог (*волоков*) в другую волость, в другое деревенское гнездо. Так, от деревни Подволочная (она же Дуброва) на Лохте начиналась длинная лесная дорога, по которой можно было попасть в город Тотьму. Эта дорога пересекала важнейший сухонско-важский водораздел. От шебенгской Подволочной шла не менее значимая для кокшаров дорога на Сухону, которая через Раменское гнездо деревень выводила к этой северной транспортной артерии в районе деревни Сергиевская Слобода. Деревня Подволочная (она же Гольцовская) в Долговицах стоит на берегу речки Ярославки. Отсюда начиналась дорога в Шевденицы через относительно небольшой лесной волок. Деревня Окуловская (она же Подволочная) – самая крайняя в ряду илезских деревень. От нее шла долгая дорога опять же на Сухону, только в большое село Нюксеница, через гнездо деревень на реке Уфтюге (левом притоке Сухоны). Наконец, еще одна Подволочная (она же Мартьяновская) находится в Верховье, в начале дороги на реку Кулой (в современном Верховажском районе), где было несколько крупных гнезд деревень.

Схожее с Подволочной по значению и смыслу название Задняя пять раз отмечено в пределах бывших тотемских волостей – в Царевской, Окологородней, Кулойской, Старототемской и в Чаловском улусе (Кузнецов, 2007б. С. 93–94). Это в самом деле были самые крайние (*задние*) деревни в своих волостях. Задняя близ Тотьмы стояла на Большой Вологодской дороге (тракте), откуда начинался лесной волок к Царевской волости. Вторая Задняя (она же Высокая) стояла на той же дороге, но находилась недалеко от слияния рек Вожбал и Тафта, у начала реки Царевы. От нее дорога уходила в лес и спустя 25 верст приводила к гнезду деревень на реке Тиксне. Ныне из этих двух Задних деревень сохранилась лишь одна – та, что стоит ближе к городу Тотьме. В старину деревня «Дорохово, Задняя тож» существовала и в волости Старая Тотьма (Колесников П.А., 1971. С. 18). Она рано исчезла и больше в источниках не упоминается. Где она стояла, сейчас уже выяснить сложно. Возможно, это был Верхнеденгский улусец, откуда начиналась дорога в сторону кокшеньгских волостей, к Верховью на реке Уфтюге. В Кулойской волости деревня Филяково носила в старину еще два названия – Залесная и Задняя. Она стояла на краю своего гнезда деревень, в начале лесного волока в сторону волости Заозерье. У деревни Трофимово, что в настоящее время относится к Солигаличскому району Костромской области (а в XVII веке здесь был Чаловский улусец Толшменской волости), тоже было второе название Задняя. Дорога от нее шла на юг через лес и вела в город Солигалич.

По всей видимости, с тотемскими топонимическими традициями связано и название двух деревень Задняя в современном Тарногском районе. Первая из них (она же Баклановская) находится в небольшом гнезде деревень Токушка, в верховьях реки Тарнога, на дороге, которая связывала Шевденицы и Маркушу с тотемскими волостями на Сухоне. Баклановская – самая крайняя деревня на этой дороге, от нее до Сухоны было ближе всего. Вторая тарногская Задняя (она же Комлевская) стоит в Верх-Кокшеньге. Это тоже была

периферийная деревня волости на дороге, идущей вдоль реки Кокшеньги.

Дальше на север данная традиция отмечена деревней Задняя (она же Мосеевская) на левом берегу реки Кокшеньги, в составе бывшей Ростовской волости (ныне в Устьянском районе). Мосеевская расположена на краю волости в начале дороги в Миню. Вдоль реки Устья ни одной деревни Задняя нет.

Угол, Угольная

Другой периферийный во внутриволостных системах ойконим – Угол или Угольная. Термин *угол* в старину означал «отдельный участок земли, расположенный где-то вдали, в стороне от центра волости», а также – «край деревни, край волости» (Словарь вологодских говоров. Т. 11. С. 102). В пределах бывшей Кокшеньгской чети отмечены следующие варианты названий деревень, в основе которых заложен термин *угол*: Угол, Угольная и Угольская. Ойконим Угол (она же Олиховская) характерен для гнезда деревень Поца. Деревня находится в самом южном углу Поцы, в верховьях реки Корежа. Нижнеспасская Угольная (она же Рыкаловская) занимает крайний восточный угол этого гнезда деревень. Еще одна Угольная (она же Булдачевская) стоит на краю Высогорья, на реке Омельфа. В Верх-Кокшеньге деревня Угольская (с вариантом Угольная, она же Тюрдинская) находится на западном краю волости, на правом берегу речки Верхняя Майга. В Шебеньге была до недавнего времени деревня Угольная Гора – самая крайняя с востока этого гнезда деревень.

Кокшеньгская традиция именованья окраинных деревень волости продолжается и дальше на север – деревня Угольская есть в углу бывшей Ростовской волости. На реке Устья отмечена только одна деревня Угольная (она же Ивашевская) – на краю старинной Бестужевской волости. В Тотемском уезде деревень с названиями Угол, Угольская не было совсем. Отмечено только необычное народное название деревни Быково в Тиксненском гнезде деревень – Чертуголье, иначе – «чёртов угол». В самом деле, деревня эта занимает отдаленный угол волости с не самыми лучшими по качеству почвами (ср.: *худые почвы* писцовых книг). По мнению людей, жить здесь могли только черти. Любопытно, что в противоположном углу этой волости, в нижнем течении реки Тиксны, есть деревня Светица, название которой в источниках XVII века отмечалось только как Святица, иначе «святая, освященная чем-то или кем-то деревня», где нечистая сила в виде чертей жить уж никак не могла! Среди жителей этой местности – тиксняков – бытует убеждение, что именно Светица была выстроена здесь самой первой, а до возведения Спасо-Преображенского Погоста, расположенного как раз посередине между Светицей и Чертуголем, люди поклонялись некой Большой Сосне, росшей на окраине Светицы. В этом предании прослеживаются явные языческие или двоеверческие корни (Кузнецов, 2007б. С. 44, 231).

Конец, Конечная

Ещё один народный географический термин, во многом равнозначный только что рассмотренному термину *угол* – это *конец*. В старину данное слово

означало «отдалённая, окраинная часть волости» или «селение на краю волости» (Словарь русского языка. Т. 6. С. 272). В вологодских говорах *конец* – это также «часть большой деревни» (Словарь вологодских говоров. Т. 3. С. 97). Однако, судя по расположению в Тарногском районе семи деревень с названиями *Конец* и *Конечная* именно на краю старинных волостей, ближе будет толкование в том смысле, что так именовали крайние деревни на дороге, ведущей из данной волости в другую (Чайкина, 1993. С. 171).

Перечислим все тарногские *Концы*:

В Ваймеже – на левом берегу Уфтюги; в Шебеньге – при устье речки Лебеньга; в Нижнем Спасе (она же Власьевская) – на левом берегу Кокшеньги; в Хавденицах (она же Константиновская) – тоже на левобережье Кокшеньги; в Озёрках (она же Окатовская) – на берегу озера Среднего; в Тюробери (с вариантом *Конечная*, она же Гавриловская) – на левом берегу Кокшеньги; в Пёлтасах (с вариантом *Конечная*, она же Григорьевская) – на правом берегу Кокшеньги.

В Устьянских волостях термин *конец* в образовании названий деревень не участвовал, а в Тотемском уезде он был не так продуктивен, как на Кокшеньге, но все же встречался во внутриволостных системах северной части уезда, близкой к современному Тарногскому району. Так, имеется деревня *Конец* (она же Никитинская) в гнезде деревень Сондуга, а деревня Концевская (с вариантом *Конец*) вплоть до второй половины XX века стояла на берегу реки Двиницы в бывшей Шелотской волости. В пределах волости Кулой две соседние деревни носили названия *Зыков Конец* и *Холкин Конец* (Кузнецов, 2007б. С. 101, 123, 280).

Дуброва, Дубровская

На Русском Севере, как известно, широколиственные породы деревьев встречаются очень редко. Небольшие дубовые перелески можно отыскать лишь в южной части Вологодской области. Тем удивительнее, на первый взгляд, скопление деревень с интересными названиями *Дуброва* и *Дубровская* в Тарногском районе. В разных гнездах деревень их насчитывается семь. Варианты *Дуброва*, *Дуброво* и *Дубровская* встречаются у всех ойконимов, что говорит о происхождении их из одного источника. В древнерусском языке слово *дубрава*, кроме основного значения «дубовый лес», означало также «лиственный лес, выросший на выпаханной и заброшенной рощистии» (Словарь русского языка. Т. 4. С. 370). Иногда *дубравой* называли вообще «густой лес из деревьев разных пород (не обязательно из дуба)» (Словарь вологодских говоров. Т. 2. С. 62, 63). Данное значение было характерно как раз для Русского Севера. В «Явках Тарнажского Городка» от 1617 года встречаются такие фразы: «Пашут дубровы...», или: «...а у старых жильцов пашен в наших дубровах не было», либо: «...наши дубровы и чертежи запахали насильством» (Акты, 1894. С. 635), на основании чего можно сделать вывод, что термин *дуброва* в XVII веке на Кокшеньге означал «пашня на месте подсеки (возможно, в бывшем лиственном лесу)».

Почти в каждой кокшеньгской волости была деревня с таким названием (в Поце, Лохте, Шевденицах, Чуломатках, Верхнем Спасе, две в Маркуше и еще Заячерчье в современном Устьянском районе), следовательно, на каком-то историческом отрезке земельное урочище *дуброва* имело для крестьян немаловажное значение. Скорее всего, поселиться здесь и создать новую деревню можно было только после специального общинного решения. Вероятно, земли на месте дубрав считались более плодородными и желающих пахать их было немало.

В Тотемском уезде термин *дуброва* в ойконимии был вовсе не активен (нет ни одной деревни с таким названием), а на Устье имеется всего одна деревня Дубровская, рядом со старинным Орловским Погостом, на левом берегу реки.

Березник

Термин *березник* во многом схож с термином *дубрава*. В старину он означал «березовый лес, куда ходили заготавливать дрова и кору (бересту, скалину) для хозяйственных нужд» или «пашня, разработанная на месте березового леса» (Словарь русских народных говоров. Т. 2. С. 252). По всей видимости, община выделяла какое-то близкое к старожильческим деревням лесное урочище (березовый лес), которое постепенно вырубалось на дрова и иные крестьянские нужды. После сведения леса принималось решение отдать эту землю под роспашь с правом поставить на новом месте новую деревню. Деревни Березник в Тарногском районе имеются в Илезе, Лохте (две), Ромашеве и Шебеньге. Севернее, вдоль берегов реки Кокшеньги, есть еще два Березника – в Минской и Ракуло-Кокшеньгской волостях. На реке Устье отмечена только одна деревня Березник – в бывшей Камкинской волости, при впадении реки Ворбаза в Устье. На тотемских землях источники отмечают лишь деревню Березники (она же Добрынин Починок), возникшую в XVIII веке как раз на месте расчищенного березового леса, на окраине Усть-Печенгской волости (Кузнецов, 2010а. С. 19; Кузнецов, 2007б. С. 32).

В целом же ойконимы Березник и Дуброва (см. выше) являются индикаторами расширения территории старинной волости, распространения первичного гнезда деревень вширь за счет освоения новых, пригодных под пашню земель.

Бор, Борок

В качестве продолжения «растительной» темы в названиях деревень можно обратить внимание на частотные ойконимы Бор и Борок. Слово *бор* означает «сосновый лес на песчаной почве», а *борок* – «небольшой по площади сосновый лес», но в народных говорах и *бор*, и *борок* означали еще и «кладбище (которое устраивали чаще всего именно в сосновом лесу, на песчаной почве)». Любопытно, что в «Словаре вологодских говоров» данное диалектное значение записано именно в деревне Бор Маныловского сельсовета Тотемского района (бывшая волость Толшма) во время экспедиции Вологодского пединститута (Словарь вологодских говоров. Т. 1. С. 38). Сами жите-

ли деревни еще помнят смутную легенду о каком-то старинном кладбище, будто бы располагавшемся прямо на месте деревни. Возможно, это память о первоначальном месте захоронения умерших, так как с XVI века кладбище помещалось уже при Маньоловском церковном погосте, находившемся всего в полуверсте от Бора, на том же правом берегу Толшмы, чуть выше по течению реки.

В Тотемском районе, кроме деревни Бор, есть также гнездо деревень Борок на левобережье реки Кулой. Три деревни – Васильевская, Маргтыновская и Харинская – стояли рядом друг с другом на вершине огромного песчаного холма, поросшего некогда сосновым лесом. Посреди этого небольшого гнезда был и свой Ильинский Погост с кладбищем (Кузнецов, 1997. С. 49–52).

На Кокшеньге есть пять Борков и деревня Боровская. Первый Борок (она же Борисовская) находится в Верховье, в непосредственной близости от Богородице-Рождественского Погоста. Второй Борок (она же Заборовская) стоит при впадении речки Нюксеньга в Кокшеньгу, в Верхнем Спасе. До местного погоста – четыре версты. Третий Борок (она же Мошалинская) расположен в гнезде деревень Хавденицы (Кузнецов, 2007а. С. 26–27). Своего церковного погоста здесь не было, поэтому привязка к нему в данном случае отсутствует. Ниже по течению Кокшеньги, в пределах современного Вельского района, есть четвертый и пятый Борки (официальные названия этих деревень Козловская и Заливной Наволок) (Кузнецов, 2010а. С. 40, 48). Именно в Козловской и находится Ракуло-Кокшеньгский Погост, а вот около Заливного Наволока нет ни церкви, ни кладбища. Не удалось обнаружить связь с кладбищем и у деревни Боровская (она же Зубовская) в Верхнем Спасе. Таким образом, двойственное значение народных географических терминов *бор*, *борок* («сосновый лес» или «кладбище») нашло отражение и в названиях деревень. Часть из этих ойконимов явно связана с местами захоронения умерших, а другие же произошли из-за соседства деревни с сосновым лесом.

На реке Устье есть две деревни Бор (в Малодорах и при устье речки Гнилая Мельчуга), но обе они являются выселками из старожильческих деревень, появившимися лишь на рубеже XIX – XX веков (Кузнецов, 2010а. С. 23). Старинное значение слова *бор* – «кладбище» в этот период уже стало неактуальным; эти выселки возникли рядом с сосняками, поэтому и получили свои названия.

* * *

Если обратить внимание на наиболее частотные названия деревень Кокшеньгской чети, Тотемского уезда и Устьянских волостей, то можно заметить сходство по многим позициям именно тарногских и тотемских ойконимических систем (таблица). Устьянские же названия деревень принципиально отличаются по подбору наиболее частотных форм от своих более южных соседей.

	Погост	Гора, Горка	Подгорная	Великая, Большой Двор (Большая)	Боярская Княжая	Подволочная	Задняя	Угол, Угольная	Конец Конечная	Дуброва, Дубровская	Березник	Бор, Борок
Кокшеньгская четь	++ (20)	++ (10)	++ (11)	++ (7)	+ (4)	+ (5)	+ (3)	+ (6)	+ (7)	++ (7)	++ (7)	+ (6)
Тотемский уезд	++ (18)	+ (6)	- (1)	+ (5)	+ (5)	- (0)	+ (5)	- (0)	+ (4)	- (0)	- (1)	+ (2)
Устьянские волости	+ (5)	+ (5)	- (0)	- (1)	- (0)	- (0)	- (0)	- (1)	- (0)	- (1)	- (1)	- (0)

Обозначения:

++ *ярко выраженная топонимическая традиция;*

+ *характерная топонимическая традиция;*

- *слабо выраженная топонимическая традиция или ее отсутствие.*

Выше уже отмечалась одна из причин отличия устьянской топонимической традиции от кокшеньгской и среднесухонской – на Устье деревни располагаются в основном не ярко выраженными гнездами, а тянутся цепочкой вдоль берегов реки. Именно этот географический фактор и стал определяющим в устьянских внутриволостных системах ойконимов. На Устье преобладают названия деревень, в основах которых лежат либо линейные народные географические термины, либо отражены какие-то сравнительно-исторические моменты. Например, в Устьянских волостях частотными являются названия деревень Берег, Бережная, Набережная (7 примеров). Эти деревни в самом деле размещаются своей единственной улицей вдоль берега такой относительно крупной реки, как Устья. В Кокшеньге эта традиция отмечена только однажды – в Ромашеве, где на реке Уфтьюге есть три соседние деревни, которые именуются соответственно Берег Верхний (она же Пигасовская), Берег Средний (она же Павловская) и Берег Нижний (она же Аксёновская). На тотемских землях нет ни одной деревни с подобным названием, хотя там протекает река Сухона, размерами превышающая Устья.

Другой характерный для названий устьянских деревень народный географический термин – *наволоки*, в значении «заливной луг на берегу реки, на плоском речном мысу» (Словарь вологодских говоров. Т. 5. С. 28; Кузнецов, 2010а. С. 35, 66, 91). Река Устья славится своими прекрасными заливными лугами с богатым травостоем, что давало возможность местным крестьянам заниматься разведением и откормом крупного рогатого скота на мясо. Поэтому рядом с наволоками возникали деревни с соответствующими названиями – Наволок, Наволоцкая, Дмитриев Наволок, Тарасонаволоцкая, Большой Наволок, Малый Наволок. Конечно же, сенокосы и пастбища на речных на-

волоках имелись и в Кокшеньге, и в Тотемском уезде, но ни одной деревни с таким названием там не возникло, что очень показательно опять же в смысле системности топонимии. Народный географический термин *наволок* с указанным выше значением широко употреблялся и в речи кокшаров, и в речи тотмичей, однако в ойконимии этих земель не был востребован. На левобережье Кокшеньги, правда, есть гнездо деревень Наволок, о котором уже говорилось в начале статьи. В него входят деревни Першинская, Денисовская, Зацепинская, Первая Ильинская и Кривошеинская.

Следующее линейное по происхождению название деревень на Устье – Прилук (7 примеров с различными определениями типа Степанов, Максимов, Большой, Малый, Верхний, Нижний). Термин *прилук*, как и *наволок*, тесно связан с рекой и имеет значение «место около речной излучины; край луки (меандры)». Среди кокшеньгских ойконимов такое название не встречается вовсе, а вот на реке Сухоне, ниже города Тотмы, были две деревни Прилук.

В заключение стоит отметить еще одно характерное для устьянских, и частично, кокшеньгских волостей название деревень. Оно существует в нескольких взаимосвязанных вариантах – Шеломовская, Шеломская, Шеломенская. В переписной книге 1692 года зафиксирована изначальная форма, от которой и происходят все эти ойконимы – в устьянской Шангальской волости тогда стояла деревня Шеломень (Акты, 1908. С. 726) (в настоящее время именуется Шеломенская). Древнерусское *шеломень* – «высокий холм, гора». В северных говорах известно также диалектное слово *шеломя* – «неведомая земля» (Мурзаев, 1984. С. 626), но оно, по всей видимости, к перечисленным выше ойконимам никакого отношения не имеет. Кроме того, диалектное *шелом* в старину имело еще значения «каска; военный доспех, покрывающий голову», «охлупень на крыше избы», «навес, крыша на столбах; повесть», «взлобок, бугор» (Даль, Т. 4. С. 627), но и они в названиях деревень отражения не нашли.

К югу от Шангальской, в Малодорской (Соденской) волости, была своя деревня Шеломенская (с вариантом Шеломечко), а еще южнее, в Заячерецкой волости – деревня Шоломовская (с вариантом Шеломова). Среди кокшеньгских гнёзд деревень подобное название встречается только в Лохте – ойконим Шеломовская (она же Муравино) в разных источниках имеет варианты Шеловская, Шеламовская, Шиломовская, Шиломоновская. Все упомянутые выше деревни роднит одна яркая географическая особенность – они стоят на вершинах самых высоких холмов в округе, эти деревни хорошо видны со всех сторон. Вероятно, в старину такие ориентиры (*шеломени, шеломы*) были очень важны для местного населения, поэтому деревни, которые строились на данных холмах, тоже получали системные названия.

Источники и литература

Акты Холмогорской и Устюжской епархий. – Часть первая: 1500–1699 гг. // Русская историческая библиотека. – Т. XII. – СПб., 1890.

Акты Холмогорской и Устюжской епархий. – Часть вторая // Русская историческая

библиотека. – Т. XIV. – СПб., 1894. – Стл. 520–800 [Явки Тарнажского городка].

Акты Холмогорской и Устюжской епархий. – Книга третья // Русская историческая библиотека. – Т. XXV. – СПб., 1908. – Стл. 347–762 [Переписная книга часовен в Важском уезде и в Устьянских сохах].

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. – М.; Л.: Наука, 1961.

Васильев Ю.С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – С. 537–562.

Вологодская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года // Словарь русского языка XI–XVII вв. – В 17 т. – М.: Наука, 1975–1991. – СПб., 1866. – С. 322–339 [Тотемский уезд].

Вологодская область: Административно-территориальное деление. – Вологда, 1973. – С. 262–272 [Тарногский район].

Вологодская область: Административно-территориальное устройство на 1 января 2000 года. – Вологда, 2001. – С. 194–197 [Тарногский район].

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л., 1949.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4 т. – М.: Терра, 1995.

Книга памяти Вологодской области: Тарногский район / сост. А.А. Едемский. – Вологда, 1993. – С. 321–329 [Угрюмов А.А. Список населенных пунктов Тарногского района Вологодской области по состоянию на 1 января 1941 года].

Колесников П.А. Путешествия в родословия. – Вологда: Русь, 1997.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. – Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976.

Колесников П.А. Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. – Вологда, 1971. – С. 79–88 [Кокшеньгская четь Важского уезда].

Колесников П.А., Угрюмов А.А. Некоторые итоги и новые методы изучения (анкетирование) системы сельского расселения // Проблемы социально-правовой и культурной истории северного крестьянства: Советский период. – Вологда, 1982. – С. 48–63.

Комарова Г.А. Неславянская топонимия Кокшеньги // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. – М., 1977. – С. 31–42.

Кузнецов А. Деревянные храмы Кокшеньги: Краеведческий альбом. – Тотьма: Русское Устье, 2011.

Кузнецов А.В. Именослов Устьянских волостей: Происхождение названий деревень, рек, озер и фамилий устьяков. – Тотьма; Вологда, 2010 (а).

Кузнецов А.В. Русские топонимы Тотемского края: Из названий деревень // Тотьма: Краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда: изд-во ВГПУ «Русь», 1997. – С. 37–83.

Кузнецов А.В. Словарь гидронимов Вологодской области. – Тотьма; Грязовец, 2010 (б).

Кузнецов А.В. Тарногский ономастикон: Словарь фамилий кокшаров и названий деревень Тарногского района. – Вологда: ВГПУ, 2007(а).

Кузнецов А.В. Тотемский ономастикон: Фамилии тотмичей. Названия деревень «Советские» ойконимы. Русские гидронимы. – Вологда: изд-во ВГПУ «Русь», 2007(б).

Кузнецов А.В. Язык земли Вологодской: Очерки топонимики. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. – Ч. 2. – Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2004.

Материалы для оценки земель Вологодской губернии. – Т. III: Тотемский уезд. – Вып. 1: Таблицы. Крестьянское хозяйство. – Вологда, 1908. – С. 32–62, 152–172, 212–242 [Заборская, Спасская, Шевденицкая волости].

Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. – Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платёжницы XVI в. / ВГПИ. – Вологда, 1972.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Наука, 1984.

Памятники письменности в музеях Вологодской области. – Ч. 4. Вып. 1. Документы дореволюционного периода / отв. сост. А.А. Амосов. – Вологда, 1985. – С. 44–95 [документы Тотемского краеведческого музея].

Писцовая книга станом и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 годов / публикация И.В. Пугача // Устюжна: Краеведческий альманах. – Вып. 3. Вологда: Легия, 1995. – С. 294–345.

Писцовая книга станом и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 годов / публикация И.В. Пугача // Устюжна: Краеведческий альманах. – Вып. 4. – Вологда: Легия, 2000. С. 163–238.

Родословие вологодской деревни: Список древнейших деревень – памятников истории и культуры / сост. П.А. Колесников, Т.М. Димони. – Вологда, 1990. – С. 192–200 [Тарногский район].

Словарь вологодских говоров. – Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.

Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–43. – Л./СПб.: Наука, 1966 – 2010.

Список населенных мест Вологодской губернии: Составлен в 1881 году в алфавитном порядке, по уездам и волостям, с показанием расстояний от уездного города и местного волостного правления. – Вологда, 1881. – С. 135–139, 142–145 [Шевденицкая и Спасская волости Тотемского уезда].

Список населённых мест юго-западных районов Северного края. – Архангельск, 1931. – С. 55–67 [Кокшеньгский район].

Угрюмов А.А. Кокшеньга – край чуди заволочской // Север [Петрозаводск]. – 1981, – № 4. – С. 95–106.

Угрюмов А.А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992.

Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области: Населенные пункты. – Изд. 2-е, с доп. – Вологда, 1993.

Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли: Белозерье и Заволочье. – Вологда: Русь, 2005.

Чекалов А.К. По реке Кокшеньга: Тарногский район Вологодской области. – М.: Искусство, 1973.